

Я ищу способ расконсервировать энергию

С художником Владимиром Архиповым я познакомилась на открытии его выставки в Тольятти. В некотором отдалении от публики в мерцании свечей на белом фоне были расположены абстрактные на первый взгляд предметы и предметы. Для второго взгляда прилагались бинокль, и публика могла убедиться в том, что эта изящная, даже изысканная композиция составлена из самых обычных бытовых принадлежностей. Впрочем, это и есть самое интересное...

Владимир Архипов занимается весьма оригинальным делом, у которого определенно есть своя философия, своя сверхзадача и — уж совсем удивительно — свой социальный пафос. Во-первых, уникален материал, с которым он работает: это повседневные предметы домашнего обихода, которые их смекалистые хозяева с помощью нехитрых подручных средств приспособили для совершенно не присущих им с рождения функций. По всей видимости, такое стремление к переустройству окружающего мира — исключительно российская национальная черта. Во-вторых, уникален метод: художник не только собирает предметы, но и записывает рассказы их хозяев, когда и почему они ступили на тернистый путь творческого преобразования детских колясок, баночек из-под кофе, чайников, кипятильников и т.п. Заодно люди рассказывают и о своей жизни, и о своих близких, и о том, как они понимают жизнь вообще и российскую в частности.

— Теоретически предметом искусства может быть жизнь абсолютно во всех ее проявлениях. Практически никто в это не верит. Ваши проекты, в которых соединены такие обыденные, заурядные предметы, это подтверждают. Человек с воображением мог бы написать роман о каждом из представленных предметов, как некогда Андерсен на спор написал сказку об иголке. Интересно, какова ваша интерпретация собственного творчества?

— Я работаю с удивительным феноменом современной материальной культуры — свободным бытовым творчеством. Миллионы моих соотечественников ежедневно создают для себя миллионы самодельных бытовых вещей. Вообще люди безумно изобретательны, они привносят в быт черты своей неповторимой индивидуальности. Все это имеет безусловную эстетическую ценность. Так что моя задача — осуществить синтез этих разных эстетических рядов. Сейчас, по сути, в общественном сознании обесценивается фольклор, а с ним и само понятие "народное". А за этим понятием стоит очень многое: культурный и исторический опыт, мораль, идеалы, система ценностей, определенный жизненный уклад. За этим есть та невероятная энергия, которая присуща жизни вообще, которая нередко остается очевидно не проявленной, но которую можно извлечь. Я ищу способ и форму расконсервирования этой энергии. Над каждым предметом, который я отбираю, потрудился человек, в какой-то степени изменив его предназначение. Этот обычный бытовой предмет сам по себе уже объект творчества, у каждого своя маленькая история, которая в свою очередь часть истории этого человека, его семьи. Это история народа от первого лица, причем подлинная, без конъюнктурной интерпретации. В какой-то степени мои выставки выполняют опосредованную коммуникационную роль. Те люди, которые отдают мне свои вещи, на выставку не ходят и вообще не очень понимают, зачем это нужно. Туда приходят люди с иным уровнем образования, иным культурным опытом, но способные воспринять это как законченный эстетический объект.

Я хочу, чтобы зритель оценил не оригинальность художника, а почувствовал, что с тем, что он видит на выставке, он соприкасается в жизни, что выставка — только отсыл к

общему контексту нашего бытия. То, чем я занимаюсь, — это попытка найти художественный язык, на котором можно говорить в России и который будет здесь понятен.

— Честно говоря, особых попыток радикального искусства "уйти в народ" не припоминаю. Важная составляющая его российского мифа — кастовость, элитарность и, как ни парадоксально, буржуазность...

— Это ощущение возникает оттого, что в отличие от традиционного искусства у нас еще не сложился отлаженный механизм попадания в эту среду. Наши престижные художественные вузы таких художников не готовят. При очень высоком уровне преподавания чисто профессиональных предметов в них практически отсутствует необходимое философское, психологическое, социологическое образование — то есть то, что позволяет создавать продуманное интеллектуальное искусство. Поэтому в радикальное искусство люди приходят сами, после собственного, порой очень длинного пути поисков и разочарований. И именно поэтому оно содержит такой мощный энергетический заряд. Кстати, я надеюсь, что осенью открою в Строгановке лабораторию народного дизайна. Во всяком случае, переговоры об этом проекте идут...

— Среднестатистический гражданин, столкнувшись с радикальным искусством, конечно, почувствует, что ему предлагают иную эстетику, наверное, даже иной взгляд на природу вещей и людей, но он никогда не найдет ответа на вопрос "зачем?". Какое отношение это имеет к его жизни?

— Искусство должно быть полезным — это старая истина. Но искусство не может позволить себе обходиться без поводов для существования. В этом и есть проблема российского радикального изобразительного искусства: оно не определило собственные реальные основания для существования на российской почве. Поэтому все усилия сосредоточены на том, чтобы быть понятым на Западе. Быть западным на русской почве — как стратегия достижения успеха для отдельного художника — это возможно. Но это не может быть стратегией искусства вообще. У нас совершенно другое общество, другие культурные традиции и, соответственно, иные ожидания. Поэтому попытки российского искусства быть западным смешны. Например, когда западные художники работают с кровью, с сырым мясом — это шокирует вполне благополучное общество, которое жаждет смены впечатлений. И, значит, имеет успех. А у нас в не вполне благополучном обществе столько реальной крови, что такая стратегия просто аморальна. Посмотрите, другие сферы современной культуры — театр, кино, музыка — за эти десять лет сумели найти свою аудиторию или потребителя своего продукта. Им не нужен Запад, чтобы иметь успех, развиваться и зарабатывать деньги в России. А радикальное искусство

не мыслит себя без Запада, поэтому здесь ни на что не влияет. У него нет ни своего зрителя — то есть поддержки общества, ни поддержки государства. В отличие от западных стран, которые пережили молодежные волнения 68-го года, осознали, что с помощью радикального искусства можно канализировать самые агрессивные формы протеста, и поэтому вкладывали деньги в развитие центров современного искусства и вообще этого направления.

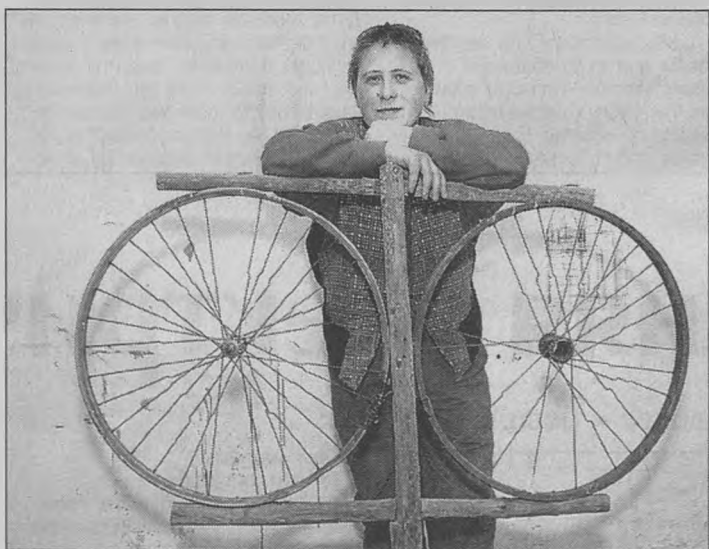
— Ну отдельные продвинутые политики поддерживают. Были же попытки использовать актуальное радикальное искусство в качестве политической технологии, то есть в самом прикладном агитационном виде...

— Не думаю, что они получились. В радикальном искусстве правый дискурс не принят... Наверное, если бы коммунисты использовали это, было бы интересно. Но они к этому не готовы. Впрочем, ни общество, ни власть не готовы к той форме критики, которую предлагает современное искусство. Власть это совсем ни к чему. Они со СМИ не справляются. Помните, историю с письмом питерских профессоров запретить "Куклы"? Зачем же власти поддерживать критику в, так сказать, извращенной форме? Социальный пафос русского авангарда начала века современным искусством утрачен. Малевич был адекватен своему времени и доминирующему в нем пафосу строительства нового мира. За обновление изобразительного искусства стояли поиски трансформации общества и того, как искусство может обновить общество. Поэтому он был круче многих западных художников, работающих только над формой. Конечно, нам не повезло, что до сих пор не создана некая господствующая идеология, тогда с ней можно было бы бороться. Время титанов прошло. Поэтому остаются только частные стратегии. Например, художник сам формулирует символы власти. И потом по этому поводу смеется... Поэтому, повторяю, в искусстве остаются только частные стратегии. Но если вам удалось попасть в болевую точку, значит, проект состоялся...

— Вы действительно имеете в виду социальную ответственность художника? И это в нашу эпоху абсолютного господства самовыражения...

— Абсолютное самовыражение художника возможно только в стабильном открытом обществе. Там это нормально, потому что совпадает с потребностями общества. А мы, к сожалению, живем в ином мире — нестабильном и негражданском... Художник — профессия публичная. И мне не нравится, когда у нас дергают за такие ниточки, как склонность к насилию, агрессии. Издеваться над обывателем, которого у нас, собственно, и нет, просто незачем... Искусство не должно спекулировать на боли. Во всяком случае, в России.

Беседу вела
Марина СТАРУШ

В.Архипов и его работа